

ИСТОРИИ

«Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» Воспоминания журналистов, которые освещали теракт в Беслане

11:00, 1 сентября 2019 · Источник: Meduza

Фото: Олег Никишин / Getty Images. Солдат прикрывает волонтеров, входящих в здание школы после штурма

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал только тем, кому вы доверяете

1 сентября 2004 года террористы захватили школу № 1 в Беслане. В течение двух с половиной дней террористы удерживали в заминированном здании 1128 заложников — детей, их родителей, сотрудников школы. В результате теракта, ставшего одним из крупнейших в истории России, погибли 333 человека, 783 получили ранения. Все эти дни на месте событий работали российские и иностранные журналисты — теракт в Беслане стал одной из трагедий, освещавшейся прессой в прямом эфире. Спустя 15 лет после теракта «Медуза» поговорила о Беслане с журналистами, которые работали там во время захвата школы.

Это материал впервые был опубликован в 2019 году.

Мадина Шавлохова

В 2004 году — журналист «Страны.ру»

Информация о том, что террористы собираются совершить теракт в Северной Осетии, была уже в августе. Мне об этом сообщили бывшие военные, которые находились в Чечне. 1 сентября мне позвонили коллеги из [японского агентства] NHK и сказали, что по их информации

террористы захватили школу. Они предложили мне поехать с ними в Осетию в качестве продюсера. Перед отъездом я связалась с республикой — в одной из структур информацию подтвердили. Знаете, не хотелось верить, что конец может быть трагичным. Я рассчитывала, что это дети, а с детьми никто не воюет, и их отпустят.

Водитель по дороге из Минвод во Владикавказ начал рассказывать, что на самом деле произошло. Сказал не верить официальной версии, что в школе 120 человек. По его словам, это первая школа и она лучшая в Беслане. Ее все знают и все стараются устроить туда своих деток. Что там сейчас почти 950 человек — в школу 1 сентября идут и взрослые, друзья, родственники, чтобы поддержать детей.

Мы подъехали к Дому культуры — перед ним собрались родственники и близкие заложников. Люди кидались друг к другу: «Что говорят власти? Неужели никто не может зайти и поговорить с террористами?» Представители власти выходили и повторяли одно и то же: ведутся переговоры, заложников 124. Помню, как родители подбегали к помощнику главы республики Льву Дзугаеву и возмущенно говорили: «Зачем ты врешь, там не 120 и не 300 человек, там больше 900». У женщин были на руках списки людей из школы, и их количество перевалило за полторы тысячи. Он ответил, что эти 124 подтверждены, остальные нет. Родители просили встречи

с руководством республики, силовиками, чтобы им пояснили, что происходит. Их просили успокоиться, так как они нервируют обстановку. У меня не укладывалось в голове, как несколько десятков человек взяли в заложники такое огромное количество людей и где в этот момент находились правоохранительные органы.

К нам, журналистам, несколько раз подходили местные полицейские — решили, что среди нас есть сочувствующие террористам люди. Нас едва не повели в участок, но я связалась с редакцией, подняла шум, что никуда не пойду, так как исполняю свои обязанности. А если они хотят, чтобы у меня была аккредитация, пусть покажут пресс-центр, который за это отвечает.

2 сентября я с одной коллегой пробралась на улицу Лермонтова, она вела к школе. Там мы случайно наткнулись на ОМОН, который всех разгонял. Нам удалось незаметно спрятаться за недостроенным гаражом. Военный в форме выстроил людей в форме. Подмышкой у него был огромный ватман. Он стал рассказывать, что это схема, по которой могут выйти террористы с заложниками. И если террористы будут идти с детьми, то в них нельзя стрелять, а если будут идти со взрослыми, то никто из преступников не должен уйти.

Днем того же дня прошел слух, что приехал Аушев, который пойдет общаться с бандитами. Действительно,

он зашел в школу и через какое-то время вернулся из школы с детьми: смог договориться, чтобы детей с мамами отпустили. 2 сентября было много переговоров и разговоров, что террористы согласились отпустить детей и их вот-вот отпустят.

3 сентября с утра мы ждали новых переговоров. Потом одна учительница начальных классов рассказала мне, что их в тот день разбудили рано утром и сказали: «Вас сегодня или будем выпускать, или убивать».

Первый взрыв был в 13:03. Я позвонила в «Страну.ру» и сообщила им об этом. До конца не могла осознать, как такое может быть, а как же дети? Я видела, как из здания выносят детей на руках, кого-то в простынях. В редакции по телефону спросили: где военные? Ответила, что их пока не видно. Минут через 20 началась перестрелка, стали выдавливать людей из школы. Взрослые плакали и несли детей. Их выносили к Дому культуры, кого-то на попутных машинах увозили в больницу. Заложники были все в крови, перепуганные, измученные.

Террористов долго не могли выбить из школы. В обед подогнали танк, который выстрелил по школе холостым снарядом, чтобы сделать дыру в стене столовой, где в этот момент находились заложники. Потом скажут, что снаряд был боевой, но это не так. Я видела столовую почти на второй день. От боевого снаряда разрушения бывают

другие. Да и сами заложники потом подтвердили, что это была болванка, а не снаряд. Сегодня этой темой спекулируют все.

Мы пробыли там до начала октября и видели, как хоронили погибших. Перед глазами постоянно улица. У каждого дома крышка гроба. Потом пошел дождь. Небо как будто оплакивало вместе с народом их горе.

Маргарита Симоньян

Главный редактор RT, в 2004 году — специальный корреспондент программы «Вести»

15 лет назад 1 сентября мы ставили камеру в одной из сельских школ в Карачаево-Черкесии. Вместе с журналистами кремлевского пула ждали президента. Вошел [Алексей] Громов, тогдашний пресс-секретарь [президента], и сказал: «Путина не будет — здесь рядом захватили школу». Мы его спросили: «А что, сколько человек?» — «Там ужас. Человек, кажется, 200». Поначалу ужасом казалось 200. Мы загрузились в вертолет и полетели в Минводы. Там взяли такси и поехали в Беслан.

Город уже был оцеплен. Полчаса звонков и переговоров — и нас пустили. Внутри — тяжелая техника, много военных, армейская суматоха. И гробовая тишина

у школы. Мы развернули камеры на площади возле школы и провели там вместе с родственниками три дня. Все эти дни из школы доносилась стрельба очередями. Никто не плакал и не кричал — ни дети, ни родственники.

Местный милиционер приютил нас на ночь. Его дом был внутри оцепленной зоны, но нас пропускали. Все ждали, что ночью будет штурм. Ни в первую, ни во вторую ночь штурма не было. На третий день — страшные взрывы в школе, такого грохота в эти дни еще не было. И сразу за ними — жуткая стрельба. Начались спецвыпуски, поначалу каждые 15 минут, потом чуть реже. Сплошная стрельба со всех сторон, полуголые дети в крови. Я сидела в эфире на корточках, выпрямиться было страшно. Мой коллега Эдик Бондаренко прикрывал меня бронежилетом, а сам остался без него.

Когда все закончилось, город перестал быть молчаливым: воцарился нечеловеческий душераздирающий вой. Он не прекращался всю неделю похорон. Никогда — ни до, ни после — так не рыдала. Зашли в один двор — шесть гробиков на табуретках. В другом доме сидит голый первоклассник и рядом его сестра: у них ожоги, их нельзя одевать. Родителей нет, только бабушка смотрит в стену.

Помню, как шли по улице и увидели мужчину.

Он раскачивался из стороны в сторону, и лицо у него было мертвое. Оказалось, что его жена и две дочери были

в школе. Жена младшую дочь вытащила, а старшую не смогла. Старшую дочь придавило плитой. И этот мужчина — их отец — не знал, как с этим жить.

После Беслана у меня началась идиопатическая крапивница: когда вдруг распухает ступня, или кисть, или глаз целиком отекает. И по ночам повторялся один и тот же сон, про горящую школу. Страшнее, чем Беслан, в моей жизни ничего не было.

Зураб Двали

Журналист «Радио Свобода», в 2004 году — глава московского бюро грузинской телекомпании «Мзе»

Как только произошел захват заложников в Беслане, мне позвонили из Тбилиси и сказали срочно направиться туда. Я попал [в город] 2 сентября, так как на 1-е все билеты уже были выкуплены. Коллеги уже разбили лагерь к тому времени, стояли передвижные телевизионные станции, палатки. Мне сказали, что есть единственное общежитие на весь Беслан, где можно остановиться. Я пришел туда, но все койки были заняты. Не зная, что делать, я спросил у первого таксиста, где можно остаться на ночь. Мы долго ездили, а потом встретили женщину, у которой он что-то уточнил. Она разрешила остаться у нее, и только потом выяснилось, что эта женщина оказалась матерью девочки, которая была в заложниках. Несмотря на это, она проявила

сочувствие ко мне. К сожалению, судьбу ее дочери я не знаю. Потом я поселился в семье, где очень бедно жили бабушка с внучкой.

Солдаты и заложники во время штурма здания

Юрий Тутов / AFP / Scanpix / LETA

Я проработал в Беслане 14 дней. Ситуацию накаляло то, что не было информации, что происходит в школе. Не было переговорщиков, представителей местных властей — был информационный вакуум. Каждый пробивал информацию из своих каналов, и порой мы больше информации получали по телевизору, когда выходили выпуски новостей. Что-то было правдой, что-то неправдой. Было много журналистов с центральных телеканалов, но они держались особняком от других.

Царил хаос, сходящие буквально с ума от неведения родители, ополченцы с автоматами, которые пытались ворваться в школу, отдельно спецназ, антитеррористическая группа и местная милиция. Полное отсутствие координации между ними, каждый действовал по-своему. Это чувствовалось. Когда я разговаривал с местными ребятами, они сказали: «Какая-то странная история, когда мы приехали 1 сентября, не было ни одной патрульной машины». Оказывается, они все были сняты с постов и переброшены на какое-то мероприятие. И по совпадению или злему умыслу, но в Беслане тогда не было милиционеров. Ничего хорошего [во время своих включений] я не мог сказать в отношении российских властей, говорил, что царит хаос и люди в ужасе. Хаос — это самое центральное впечатление Беслана.

Приехал генерал Аушев, вывел несколько детей и сказал, что террористы готовы освободить остальных, если Путин заявит, что прекращает антитеррористическую ситуацию в Чечне. Но Путин дал резкий ответ, что с террористами он не ведет переговоры. Поэтому шанс спасти детей был, и больших потерь со стороны Кремля не требовалось. И для меня шок, когда я узнал, что Путин не пошел на это и тем самым предрешил судьбу заложников.

3 сентября все было тихо, и тут началась внезапная стрельба. Было полное отсутствие координации между силовиками. И вся история начала штурма произошла

от того, что кто-то взял на себя инициативу и начал стрелять по окнам и террористам. Взрывы произошли после стрельбы из огнестрельного оружия, а не наоборот. Когда террористы поняли, что начался штурм, они решили подорвать бомбу.

Утром нам сказали, что в четыре утра прилетал Путин, буквально десять минут покрутился в больнице, повидал раненых и улетел. Ему не хватило гражданской смелости, чтобы выйти днем к людям. Завуалировано, не информируя прессу, тайком, он приехал, сказал пару дежурных фраз и улетел. Центральные телеканалы освещали это, и люди, находящиеся в Беслане, узнали, что Путин приезжал к ним, только из телевизора.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Путин всего один раз посетил Беслан после 2004 года. Что делает президент в годовщину теракта

После трагедии силовики открытым текстом мне сказали, чтобы я уехал, пока не начались проблемы. Была агрессия после того, как начали активно муссироваться слухи, что террористы пришли со стороны Грузии (об этом, в частности, заявил вице-спикер Госдумы Сергей Бабурин — прим. «Медузы»). А люди были обезумевшие, стало понятно, что они могут сорваться на ком угодно. Когда я вернулся в Москву, то был в депрессии. Этот ужас,

который мы там пережили — а в Москве мирно, хорошо, работают рестораны, клубы, жизнь бьет ключом.

Потом был шок, несмотря на то, что я был в Абхазии и Чечне на войне. На войне ты психологически готов к трупам и крови, а когда это касается детей, то это дикий ужас — мир вокруг тебя рушится в один момент. Особенно когда понимаешь, что детей можно было спасти. А потом, когда узнаешь, что матерям Беслана каждый год затыкают рот и запрещают открыто говорить свое мнение, волосы дыбом стоят. Людям, которые потеряли своих детей, запрещают говорить, что они потеряли детей из-за того, что власти не захотели вести переговоры.

Тимофей Борисов

Военный корреспондент «Российской газеты»

Я первый журналист в мире, который узнал о Беслане. Это произошло случайно. 29 августа 2004 состоялись президентские выборы в Чечне, я отработал на них и решил возвращаться в Москву через Северную Осетию, так как аэропорт в Грозном в тот момент еще не работал. Но билетов в кассах не оказалось, и тогда я позвонил председателю парламента Таймуразу Мамсурову⁽¹⁾, который меня хорошо знал. Оказалось, что мы оба здесь. Он встречал в это время делегацию депутатов из думской фракции «Родина» во главе с Дмитрием Рогозиным,

которые собирались поехать в Южную Осетию, чтобы посмотреть своими глазами на начавшиеся уже к тому времени стычки осетин с грузинами. Теймураз предложил поехать с ними в Цхинвал, а завтра вместе с Рогозиным улететь в девять утра.

Я согласился, мы посетили госпиталь в Цхинвале, пообщались с ранеными бойцами, а потом заехали в резиденцию к [президенту Южной Осетии] Эдуарду Кокойты. Там был огромный стол, где подавали домашнее вино в огромных рогах. Каждый поднимал рог, говорил тост и, как потом выяснилось, это было наше спасение. Когда мы возвращались на ночевку во Владикавказ, Таймураз Мамсуров попросил Рогозина выступить на линейке в школе: «У нас есть школа в Беслане, где учатся мои дети. Ты человек из телевизора, скажи детям несколько слов, им будет приятно, пять минут и поедem в аэропорт». Рогозин согласился. Так что волею судьбы нам предстояло в то самое роковое утро выступать в бесланской школе. И нас спасло, что Рогозин проспал и задержался на 15 минут. Эта задержка спасала нам жизнь, иначе бы мы тоже оказались в заложниках.

Когда мы подъехали к школе, то увидели, как в панике бегут учителя, родители, дети. Единственное, что нам удалось от них узнать, — что какой-то террорист захватил школу. Это была самая первая информация, на которую Рогозин и еще один депутат, мой бывший коллега по цеху,

ведущий телепрограммы «Наша версия под грифом секретно» на ТВЦ Михаил Маркелов, отреагировали молниеносно: «Так, мы идем в школу, разговаривать с террористом, предложим ему обмен на детей». И они пошли, но успели сделать только несколько шагов, как раздался выстрел из гранатомета. Террористы выстрелили из окна школы в сторону железной дороги, в стоявшую там в тупике цистерну. И сразу стало ясно, что все серьезно. Я позвонил в редакцию и спросил, что мне делать, ехать домой или оставаться здесь — мол, здесь серьезный теракт. Мне сказали возвращаться — в лентах агентств никакой информации еще не было, — и я стал искать транспорт в аэропорт. Но через пару минут мне позвонили из редакции, и домой я попал гораздо позже.

Мне повезло, я был единственным журналистом, который все эти трагические три дня провел в оперативном штабе, который располагался в здании бесланской администрации. Когда в ночь на 2 сентября приехали спецслужбы и всех журналистов стали выгонять из здания администрации, я воспользовался своим знакомством с Рогозиным, подошел к нему, и меня приняли за его помощника. Именно поэтому я слышал все, о чем говорилось в оперативном штабе, как разрабатывались, а потом отменялись один за другим варианты спецоперации.

Впервые в жизни увидел растерянность власти. Было несколько вариантов штурма, они все тщательно и непрерывно прорабатывались, но к концу второго дня стало понятно, что это невозможно. К тому же в штаб пришел Теймураз Мамсуров и категорично сказал, что не даст штурмовать школу, поскольку там дети — в том числе и его дети. Спецслужбы поняли, что ситуация совершенно патовая: невозможность штурма ни сверху, ни снизу через подвал, которого не было, ни через воздух, ни раскопками — никак. Все это обсуждалось. Плана, что делать, не было.

Уже вечером 2 сентября глава республики Александр Дзасохов зашел в маленькую комнатку, где стоял единственный телефон. Он поговорил с Кремлем, а потом вышел и сказал, что дети важнее и власть идет на переговоры. Все поняли, что нас ждет очередной вариант как во время басаевско-радуевских захватов, когда террористам дадут автобус и выполнят их требования или часть требований. Все ждали переговоров, а от спецоперации отказались. Но наутро неожиданно для всех со стороны школы раздался взрыв. Потом, через пару секунд, начали звучать отдельные выстрелы. Сначала жидкие, потом больше, больше и потом секунд через 15-20 треск выстрелов слился в одну сплошную канонаду.

Волонтер выносит девочку из школы после штурма

Олег Никишин / Getty Images

В тот момент до меня дозвонились из Москвы с радио и мне пришлось раз пять выходить в прямой эфир на «Эхо Москвы». Это было самое сложное — комментировать и говорить о теракте в прямом эфире для СМИ, в котором я не работаю и у которого имидж оппозиционного. Я комментировал все, что происходило, не зная, как это повернется по отношению ко мне, но считал это необходимым и важным для себя как журналиста. Сам-то я работаю в правительственном издании и понимал, что мог лишиться работы. Надо отдать должное моему руководству, меня даже не попытались уволить или пожурить.

После Беслана я понял, что с террористами нужно бороться бескомпромиссно, не заигрывать. Мне понятна позиция израильских спецслужб, хотя она и жестокая, когда они не переговариваются с террористами и уничтожают всех, даже если есть угроза заложникам, чтобы следующие потенциальные террористы знали, что захват заложников бессмыслен, ибо переговоров не будет. Поэтому я думаю, что теракт в Беслане был вдохновлен предыдущими успешными для террористов терактами в Кизляре и особенно в Буденновске, когда террористам позволили вернуться в Чечню и пошли на их условия.

Саймон Островский

Корреспондент PBS NewsHour, в 2004 году — журналист The Moscow Times

В то время я работал в The Moscow Times в Москве. Как только узнал о трагедии, попросил редакторов меня туда отправить, но у газеты было мало средств. Согласилась другая газета — The Sunday Times. Так я поехал в Беслан и сразу писал для трех изданий — The Moscow Times, The Sunday Times и People Magazine.

Я был на месте во второй день захвата. У меня произошел инцидент с силовиками: российские государственные каналы распространяли ложную информацию, что захват школы инсценирован иностранцами. Они говорили, что

эти иностранцы — это исламисты, но ОРТ, например, просто заявляли: «Следователи рассматривают иностранный след». Все это сказалось на журналистах-иностранцах, которые освещали события в Беслане. Местные стали подозревать, что они одни из тех, кто устроил захват. Как-то я побежал в магазин, так как мне нужно было перезарядить карточку в телефоне, и кому-то показалось подозрительным, что я бегу. Несколько парней скрутили меня и отвели в милицию, где продержали около суток. Я просто исчез и не имел доступа к телефону, но до этого успел отправить сообщение коллеге. Я написал три буквы «ФСБ», и только благодаря этому меня начали искать. Меня держали сначала МВД, потом ФСБ. В конце концов кто-то позвонил из МИДа и сказал, что я журналист и меня нужно отпустить. Были случаи с самосудом: люди были очень озлоблены на всех журналистов, потому что говорили и про иностранный след, и в это же время официальные новости заявляли неверное количество детей в школе. И всю злость местные выкидывали на журналистов.

Альбина Олисаева

В 2004 году — журналист РИА Новости

31 августа я договаривалась с редактором РИА Новости, куда только хотела устроиться, что сделаю им пару

материалов, чтобы они посмотрели. На следующий день в аэропорту в Беслане проходила пресс-конференция с Рогозиным. Я из Владикавказа поехала на нее. Она спокойно шла, и тут по залу проходит шепот, все передают друг другу что-то. А потом кто-то произносит вслух, что в Беслане захватили школу. Я позвонила в РИА и сообщила, что произошло. Было решено, что я поеду туда работать. Конференция остановилась, мы все поехали к школе.

3 сентября, когда произошел взрыв, я была в здании штаба по освобождению. Туда было сложно попасть, но мне помог знакомый работник. Взрыв был такой мощный, что стало понятно — что-то произошло. На фоне и до этого все время гремели взрывы, но тут появилось чувство чего-то непоправимого. Стало понятно, что начали умирать дети. Я выбежала из здания, и тут произошел второй взрыв. А я забыла диктофон внутри, хотела вернуться за ним, но меня уже не пустили обратно. В тот момент началась перестрелка. Мне кричат: «Пригнись!» Я легла, пытаюсь набрать в агентство, связь рухнула, тишина, невозможно дозвониться, никаких гудков. В один момент я дозваниваюсь до оператора и что-то начинаю говорить, и в это время выносят первого мальчика с глубоким ранением в спине. Все происходит за несколько минут. Этот мальчик до сих пор у меня перед глазами.

Самое страшное — это похороны. Похороны были все в один день, и все поле было в могилах. Я тогда ехала на совещание в аэропорт. В Беслане аэропорт от города находится в пяти минутах, а кладбище расположено между городом и аэропортом. Я попросила знакомого отвезти меня: мы едем и попадаем в пробку из катафалков. Бесконечный поток машин с гробами на крыше. Это был сконцентрированный ужас того, что произошло.

В какой-то момент, когда я слышала или рассказывала про Беслан, то сразу начинала плакать. Это тяжелая трагическая история, но чтобы плакать постоянно — это не совсем в порядке вещей. На эту тему я общалась с психологом, потом это прошло. Мне объяснили, что это посттравматический синдром. Но мне смешно говорить о своих переживаниях по сравнению с теми, кто потерял своих детей. Я очень восхищаюсь матерями Беслана — это мужественные женщины, которые прошли через все. Их пытались приписать к сумасшедшим, их не всегда понимали — когда они начали получать гуманитарную помощь, у людей была странная реакция. Эти женщины прошли через огромное психологическое давление и сумели остаться порядочными и мудрыми. И они до конца пытаются настоять на расследовании. Сейчас они многим помогают в Беслане: стали теми, к кому все обращаются, если возникает проблема.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

«Они нам говорили: вы не нужны своему государству» Фрагмент книги Ольги Алленовой «Форпост. Беслан и его заложники» — о встрече властей с жителями города после теракта

«Из этого можно выйти, только если ты кому-то помогаешь, если ты забываешь себя» Матери Беслана — о том, как пережить смерть детей

Записала **Александра Сивцова**

Мы говорим как есть не только про политику. [Скачайте приложение.](#)

(1) Таймураз Мамсуров

Член Совета Федерации РФ, с 2005 по 2015 годы — глава Северной Осетии, во время событий в Беслане — спикер парламента республики

[Вернуться к тексту](#)
